

В. Э. Смирнов

ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

САМООРГАНИЗАЦИЯ
И СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК

Виктор Смирнов

**Гражданственность и гражданское
общество. Самоорганизация
и социальный порядок**

«Издательский дом “Белорусская наука”»

2013

Смирнов В. Э.

Гражданственность и гражданское общество. Самоорганизация и социальный порядок / В. Э. Смирнов — «Издательский дом “Белорусская наука”», 2013

В монографии на социологическом и культурно-историческом материале раскрывается сущность гражданского общества и гражданственности как культурно и исторически обусловленных форм самоорганизации, способных выступать в качестве социального ресурса управляемости в обществе и средства поддержания социального порядка. Рассчитана на научных работников, занимающихся проблемами социологии и политологии, служащих органов государственного управления и всех интересующихся проблемами самоорганизации и самоуправления в обществе.

© Смирнов В. Э., 2013

© Издательский дом “Белорусская
наука”, 2013

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	9
1.1. Теория и методология исследования гражданского общества и гражданственности	9
1.2. Социальная самоорганизация как способ реализации субъектности общества	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Виктор Эдуардович Смирнов

Гражданственность и гражданское общество: самоорганизация и социальный порядок

*Рекомендовано к изданию Ученым советом
Института социологии НАН Беларуси*

Р е ц е н з е н т ы:

доктор философских наук, профессор Т. П. Короткая,
доктор социологических наук, профессор В. И. Русецкая,
доктор философских наук, профессор Г. Н. Соколова

Предисловие

В 1990 г. Ф. Фукуяма [259] объявил конец истории. Последние социальные революции, знаменующие собой поражение советского, коммунистического проекта, подвели, по его мнению, черту под эрой бурных социальных катаклизмов. Распространение идеологии либеральной демократии как венца социально-культурной эволюции человечества гарантирует, как считает Фукуяма, переход всего мира на рельсы устойчивого развития, т. е. стабильного развития в рамках одной «идеальной» системы без революций и социальных катаклизмов.

Удивительно, что почти два десятилетия жизнь, казалось бы, подтверждала позицию мыслителя, хотя, конечно, в обществах мировой периферии «кое-где, порой» еще случались социальные бури, которые можно было по известной привычке назвать «родимыми пятнами прошлого», последними социальными столкновениями в борьбе за торжество демократических ценностей.

Но как всегда, в конце концов, история преподнесла сюрприз. Виной ли тому всемирный экономический кризис, либо что-то другое, но социумы забурили вновь. Не только на периферии, как, например, «арабская весна» на севере Африки и Ближнем Востоке, но и в сердце мирового гегемона десятки тысяч людей выходят на улицы с серьезными социально-экономическими требованиями. Совершенно очевидно, что одни только формально-демократические методы управления и поддержания социального порядка в обществе представляются этим людям недостаточным средством для решения их проблем, что и приводит к таким уличным протестам, как «Occupy Wall Street!».

Неожиданно вскипело и российское общество, еще совсем недавно, по мнению социологов и политологов, погруженное в сон. Массовые протестные акции не прекращаются уже более года, и как будут развиваться события дальше, не ясно.

Более того, оказалось, что все эти социальные выступления сложно уложить в уже ставшую традиционной схему наступления и торжества демократии. «Арабская весна», начинавшаяся под демократическими лозунгами, сегодня все более явно проявляет совсем другой характер, связанный с агрессивным исламом и традиционализмом. В США и Европе все чаще звучат антикапиталистические лозунги, а труды К. Маркса вновь становятся бестселлерами. На митингах в России все больше появляется, с одной стороны, националистических, а с другой, красных коммунистических флагов и лозунгов.

В общем стабильность общества как показатель конца истории оказалась фикцией, а перед обществознанием вновь встали вечные вопросы: насколько стабилен порядок в обществе и чем этот порядок поддерживается, как и насколько можно управлять обществом, и где лежат пределы подобной управляемости, кто управляет обществом, и какие механизмы все же удерживают общество от хаоса.

При этом проблема управляемости в обществе является актуальной для любой социальной системы; особенно остро она проявилась в обществах, характеризующихся резкой ломкой ценностных установок и норм взаимодействия между субъектами социальной жизни, между обществом и властью. Стало понятно, что управляемость в обществе является интегральным качеством, зависящим от управляемости всех его подсистем (центрального властного управления – властной вертикали, экономической подсистемы, сферы самоорганизации граждан и др.). Поэтому научный анализ степени и форм управляемости в каждой из них стал необходимым условием для выявления и обеспечения факторов, способствующих укреплению социального порядка и устойчивому развитию общества.

Чрезвычайно важной и актуальной проблемой в данном контексте становится изучение исторически сложившихся в обществе институтов самоорганизации. Так как эти социальные институты, как правило, не формальны, а иногда и не артикулированы, то политическая власть

зачастую выстраивает свои управленческие стратегии по отношению к ним без должного учета специфики их организации. В связи с этим снижается качество управленческих взаимодействий как в области взаимоотношений сферы общественной самоорганизации и центральной власти, так и на уровне гражданской самодеятельности как таковой.

В этом смысле одной из задач данной монографии является выявление того, как сложившиеся устои, традиции и нормы влияют на управленческие взаимодействия, на модели поведения управляющих и управляемых. Тем более что в ситуации социальных изменений, смены системы государственного устройства, типа и форм власти субъекты управления зачастую принимают и используют формы и способы поддержания управляемости и порядка, заимствованные из других социальных систем, как правило, западных. В результате возникает ситуация, когда институциональные модели, принимаемые центральной властью для организации взаимодействия с общественными ассоциациями, не вполне соответствуют традиционным неформальным институтам самоорганизации, имеющим иную культурно-историческую обусловленность. В частности, в качестве образца социального института, опосредующего взаимоотношения общества и власти, безоговорочно принимается такой институт, как гражданское общество классического типа.

Нужно сказать, что на Западе гражданское общество как социальный ресурс управляемости социумом не только продемонстрировало свою эффективность, но и было хорошо изучено и описано в социальных науках. Однако опыт внедрения и формирования данного института в постсоветских странах показал, что, несмотря на количественный рост партий, общественных организаций и ассоциаций, продолжает сохраняться разрыв между надеждами, возлагаемыми на него, и реальной политической практикой и повседневной жизнью граждан.

На наш взгляд, заимствование институтов, эффективных в других странах, на постсоветском пространстве зачастую приводит к созданию превращенных институциональных форм, так называемых институциональных ловушек. Попытки создания института гражданского общества по западному образцу в стране с укорененными традициями коллективизма, служения общему благу и общественной солидарности по моделям, в основе которых лежит защита частного интереса и конкурентная этика, приводят, как правило, к формированию квазиинститута гражданского общества. Вследствие чего, несмотря на общий рост управляемости как качества социума, достигнутый благодаря восстановлению механизмов политической власти, такой ресурс, как управляемость в сфере самоорганизации и самодеятельности населения, используется в недостаточной степени. Это не только снижает степень управляемости обществом, но и подавляет потенциал гражданственности людей, чем создает «слабые звенья» в функционировании социальной системы.

В этом плане в монографии ставится цель выявить сущность и содержание социальных институтов, в частности института гражданственности, в рамках которых исторически и культурно осуществлялась самоорганизация и самодеятельность людей в обществах восточнославянской цивилизации, возможности их оптимального использования во взаимоотношении общества и власти на постсоветском пространстве, и в частности в Беларуси.

Основной идеей монографии является положение о том, что в основе управляемости социумом лежат конкретно-исторические особенности взаимосвязи власти и общества. На определенном этапе исторического развития на Западе (Новое время) и в государствах восточнославянской цивилизации появляется автономная от общества власть в форме бюрократии, осуществляющей централизованное управление, и, соответственно, автономное от власти общество. Однако возможности центрального, властного, бюрократического управления общественной периферией фактически ограничены численностью бюрократического аппарата и формальными методами управления.

В монографии выдвигается идея о том, что исторически проблема «периферического» управления решалась по-разному: посредством гражданского общества на Западе и феномена

гражданственности в восточнославянской цивилизации. В отличие от западных обществ, где гражданское общество, будучи естественным результатом культурно-исторической эволюции, отражает типические характеристики западного социума, в России, Беларуси и других странах постсоветского пространства решением проблемы периферического управления исторически стал институт гражданственности.

Глава 1

Формы взаимоотношения общества и власти

1.1. Теория и методология исследования гражданского общества и гражданственности

Так как предметом любого исследования является логическое описание объекта посредством совокупности понятий, при помощи которых описывается объективная реальность, в монографии такой предмет раскрывается на трех уровнях: категориальном (общетеоретическом), концептуальном (частнотеоретическом) и конкретно-эмпирическом.

На категориальном уровне исследования гражданское общество и гражданственность рассматриваются с точки зрения тех парадигмальных схем социальной реальности, которые включают феномен взаимоотношения общества и власти как базового элемента. В этом смысле в основании категориальной матрицы исследования лежит система специальных научных категорий, используемая в рамках нескольких принятых автором социологических парадигм: социально-исторического детерминизма, структурно-функциональной, интерпретативной и др.

На частнотеоретическом уровне гражданское общество и гражданственность как социальные ресурсы управляемости в обществе описываются в формате теории среднего уровня. Основу понятийной матрицы в данном случае составляет спектр таких понятий, как «гражданское общество», «гражданские ассоциации», «власть», «самоорганизация», «гражданственность» и др.

Конкретно-социологическое изучение гражданского общества и гражданственности осуществлялось в монографии на основании результатов тех конкретных эмпирических исследований, которые предпринимались социологами на постсоветском пространстве, а также в Беларуси, включая пилотажное авторское социологическое исследование 2009 г. (всего опрошено 342 человека) и социологический опрос населения г. Минска 2010 г. (всего опрошено 410 человек), мониторинги изучения общественного мнения населения (Институт социологии НАН Беларуси) 2011–2012 гг. Специфика языкового поля в этом случае состояла в концентрации внимания на тех сторонах взаимоотношения общества и власти, которые поддаются количественному и качественному измерению, операционализации, шкалированию и т. п.

Методологической основой изучения гражданского общества и гражданственности как социального ресурса в процессе взаимоотношения общества и власти на категориальном уровне явились работы К. Маркса, М. Вебера, Т. Парсонса и др. В частности, для объяснения культурно-исторической обусловленности институциональных форм взаимоотношения общества и власти использовался принцип социально-исторического детерминизма К. Маркса. Также для выявления специфики способов диалога общества и власти использовался тот факт, что при рассмотрении различных взаимоотношений и взаимосвязей в социальных системах Т. Парсонс в сконструированную формализованную модель системы действия вводит функциональную категорию интеграции, которая наряду с адаптацией, воспроизводством и целедостижением является базовой для функционирования системы. По Т. Парсонсу, любая общественная система имеет две основные оси ориентации. Первая ось: внешнее – внутреннее. Это значит, что любая система ориентируется либо на события окружающей среды, либо на свои собственные проблемы. Вторая ось: инструментальное – консуматорное. В этом случае ориентация системы связана либо с сиюминутными, актуальными, либо с долговременными, потенциальными потребностями и целями. На пересечении осей возникает набор из 4 основ-

ных функциональных категорий и соответствующий им инвариантный набор функциональных проблем:

- 1) адаптации системы к внешним объектам;
- 2) целедостижения (получения удовлетворения или консумации от внешних объектов с помощью инструментальных процессов);
- 3) интеграции (поддержание гармоничных бесконфликтных отношений между элементами системы);
- 4) воспроизводство структуры и снятия напряжений (сохранения интернализованных и институционализированных нормативных предписаний и обеспечения следования им) [187, с. 524–525].

На уровне социальной системы функцию целедостижения обеспечивает политическая подсистема, функцию интеграции – правовые институты и обычаи, функцию воспроизводства структуры – система верований, мораль и органы социализации, включая семью и учреждения образования, функцию адаптации – экономическая подсистема.

Итак, согласно Т. Парсонсу, необходимыми условиями выживания социальных систем являются достижение целей системы посредством формы правления или правительства, интеграции системы общинами, ассоциациями и организациями, поддержания приверженности ценностям, а также адаптации к внешней среде. При этом соблюдение интегрального единства общества обеспечивает, по Т. Парсонсу, тот факт, что оно должно иметь «достаточное количество своих компонентов, акторов, адекватно мотивированных на действие в соответствии с требованиями ее ролевой системы, настроенной позитивно относительно выполнения ожиданий, и негативно – к слишком деструктивному, т. е. девиантному, поведению» [188, с. 100]. Данное понимание Т. Парсонсом функциональных свойств интеграции и места в ней ролевых отношений и социальных ожиданий составляет в монографическом исследовании проблемы гражданского общества и гражданственности как социальных ресурсов управляемости в процессе взаимоотношения общества и власти ее парадигмальную основу.

Второй аспект категориального уровня исследования касается интерпретативной социологической парадигмы, основанной на теории рационального действия М. Вебера. Выделяя четыре вида действия (целерациональное, ценностно-рациональное, аффективное и традиционное), М. Вебер настаивает на том, что рационализация социального действия – тенденция исторического процесса. Считая, что этот процесс протекает не без «помех», «отклонений», М. Вебер все-таки утверждает, что европейская история последних столетий и вступление других, неевропейских цивилизаций на путь индустриализации, предложенный Западом, свидетельствуют о том, что рационализация есть всемирно-исторический процесс. В частности, он утверждал: «Одной из существенных компонент «рационализации» действия является замена внутренней приверженности привычным нравам и обычаям планомерным приспособлением к соображениям интереса. Конечно, этот процесс не исчерпывает понятия «рационализация» действия, ибо последняя может протекать, кроме того, позитивно – в направлении сознательной ценностной рационализации – и негативно – не только за счет разрушения нравов, но также и за счет вытеснения аффективного действия и, наконец, за счет вытеснения также и ценностно-рационального поведения в пользу целерационального, при котором уже не верят в ценности» [39].

Соглашаясь с данной теорией, в частности с типологией социального действия и с ролью духовных образований в развитии социума, мы сомневаемся в выводах, сделанных М. Вебером в отношении предопределенности исторического развития различных цивилизаций по западному образцу. В исследовании указанный недостаток мы учитываем как на парадигмальном уровне, так и на концептуальном. В частности, используем идеи М. Крозье, в основе которых лежит принцип рассмотрения социального субъекта в качестве действующего индивида, обладающего «ограниченной рациональностью» (он и творец: «голова, проект, свобода», и

исполнитель, и существо, подверженное аффектам). Общество, с его точки зрения, есть совокупность интеракций, т. е. множество межличностных взаимодействий, принимающих форму «игры» и формирующих «коллективную ткань» жизни общества [133, с. 37]. Хотя заявления автора об определяющей роли «игрового» характера взаимоотношений не бесспорны, тем не менее в монографии принимается и развивается положение о том, что трансформация общества напрямую зависит от изменения сознания его членов, осуществляющих «коллективное обучение» новым отношениям в рамках социальных институтов.

Парадигмальный характер также имеет для монографического исследования методологический принцип теории Н. К. Михайловского, по мнению которого социология должна пользоваться не только объективным методом (поиском «правды-истины»), но и субъективным (оценкой социальных явлений и событий с позиций «правды-справедливости») [167]. В реальном мире необходимо действовать в соответствии с целями и «общим идеалом», недопустимо механически переносить на человеческое общество законы природного мира. Пренебрежение идеалами неизбежно ведет к взгляду на общественную жизнь как на процесс, где каждый руководствуется эгоистическими принципами, не стремясь ни к собственному совершенству, ни к совершенству общества в целом [47, с. 108].

Следует отметить, что в работе конструирование предмета исследования на общетеоретическом уровне осуществлялось в границах парадигмы структурно-функционального и системного анализа, конфликтологической теории; парадигмы социальных дефиниций, включающей теории социального действия и феноменологическую социологию; а также парадигмы социально-исторического детерминизма, представленной марксизмом.

То есть, соглашаясь с мнением Н. Бора, что никакое сложное явление нельзя описать с помощью одного языка, какой-нибудь одной интерпретации или на основе одной парадигмы, в монографии при анализе проблемы периферического управления обществом в процессе взаимоотношения общества и власти мы используем методологический принцип – принцип мультипарадигмальности.

Теоретический уровень анализа определялся в книге в контексте исторических закономерностей развития и функционирования общества, институтов (таких, как религия, власть), личности и гражданских ассоциаций; а сам анализ носит сравнительно-исторический и социально-теоретический характер. При этом в анализе выступали две группы вопросов, касающихся структуры социума: 1) места и роли гражданского общества и гражданственности как социального ресурса управляемости в процессе взаимоотношения общества и власти в разных социальных системах, а также во взаимодействии ее с внешним миром (системная и структурная парадигмы, социально-исторического детерминизма и теории социального действия); 2) природы и характера различных форм и способов взаимоотношения, рассматриваемых с точки зрения «внутреннего опыта» субъекта, его непосредственного восприятия «жизненной целостности», «предынтерпретации» социальных связей на основе убеждений, мировоззренческих принципов, культурных традиций и др. (интерпретативная парадигма). Предмет исследования данной проблемы на этом уровне предполагал построение концептуальной схемы в контексте закономерностей конкретной системы «общество – государство» в странах постсоветского пространства, и в частности в Беларуси.

Гипотетические положения о специфике взаимоотношения общества и власти, о формах и способах периферического управления обществом проверялись эмпирически с помощью данных социологических исследований (мониторинговых, сравнительных) на конкретно-эмпирическом уровне. Реальная практика проведения авторского пилотажного социологического исследования, осуществленного в 2009 г. в одном из районов г. Минска, и основного социологического опроса населения г. Минска в 2010 г. разворачивалась с учетом методологических и исторических моделей системы «общество – власть». Однако она осуществлялась на конкретно-эмпирическом уровне, где исследовались узколокальные тенден-

ции и особенности взаимоотношений с местной властью разного рода социальных субъектов (индивидов, ассоциаций, социальных групп и др.). В основном в опросе ставились ситуационные или оперативные проблемы, которые не только подтвердили авторскую концептуальную схему, но и послужили материалом для выработки рекомендаций в целях оптимизации управленческих решений.

Изучение феномена власти в системе «общество – власть – индивид» явилось еще одним звеном исследования, требующим методологического обоснования. В рассмотрении данного аспекта проблемы мы также обращались к идеям классиков социологии: Т. Парсонса и М. Вебера, к другим современным западным и отечественным авторам. Согласно М. Веберу, «власть есть возможность того, что одно лицо внутри социального отношения будет в состоянии осуществить свою волю, несмотря на сопротивление других, участвующих в действии» [38, с. 366].

Основной признак господства власти, по М. Веберу, – способность аппарата управления гарантировать «порядок» на данной территории путем угрозы или применения психического или физического насилия в системе «общество – власть». М. Вебер выделяет три основных элемента: господствующее меньшинство, аппарат управления и подчиненные господству массы. Власть пытается культивировать веру в свою легитимность, понимаемую Вебером как способность политических режимов создавать социальную базу поддержки своих действий и формировать позитивное отношение массового политического сознания по отношению к данному режиму. Именно различные виды веры в легитимность связывает ученый с различными организационными формами властных структур (харизматическое господство, традиционное и рационально-легальное).

Но если для М. Вебера главным во взаимоотношениях общества и власти является обеспечение веры в легитимность политического режима у действующего субъекта, то для Т. Парсонса важен нормативный аспект осуществления легитимности, понимаемый как сочленение системы норм и экспектаций с регулируемыми их ценностями. И у М. Вебера, и у Т. Парсонса в конечном счете при условии легитимности порядка индивид должен добровольно подчиняться существующему режиму, поскольку он понимается как рационально действующий субъект, осознающий необходимость послушания. Парсонс считает, что в основе стабильности процессов взаимодействия лежит дополнительность социальных ожиданий: «... такая связь между ролевыми ожиданиями и санкциями, очевидно, является взаимодополнительной. То, что является санкцией по отношению к эго, по отношению к другому – его ролевое ожидание, и наоборот» [188, с. 96].

При написании монографии мы опирались также на идеи белорусского социолога С. А. Шавеля, который, развивая теорию социальных ожиданий Т. Парсонса как способа объяснения взаимосогласованных действий в обществе, отмечает, что основой социальной интеграции являются социальные ожидания относительно других людей. «По своему содержанию, – отмечает С. А. Шавель, – социальные ожидания есть антиципация (предвосхищение, прогнозирование) вероятных реакций другого (других) участников взаимодействия в ответ на собственные действия субъекта» [266, с. 195]. Ученый, раскрывая понятие социальных ожиданий в контексте теории социальных ролей, утверждает, что «через формулу ролевых ожиданий общество «указывает», какое действие считается социально приемлемым и инструментально эффективным» [266, с. 75]. По мнению С. А. Шавеля, согласование ожиданий есть основной закон сохранения системного взаимодействия.

Все это становится возможным на основе дополнительности ролевых ожиданий и согласованности ожиданий социальных [266, с. 171–172].

В отличие от М. Вебера мы полагаем, что институт власти не основан на насилии, на способности «осуществить свою волю, несмотря на сопротивление других». Здесь происходит в конечном счете сведение власти к насилию. На наш взгляд, власть основана на способности

субъекта власти управлять, выполняя свою роль в рамках соответствующих социальных институтов, удовлетворяя социальным ожиданиям управляемых, соответствуя в своем поведении сформированным в культуре и транслируемым ее традиционным паттернам (набору стереотипных поведенческих реакций или последовательностей действий) поведения власти. Даже насилие со стороны власти становится приемлемым, если оно осуществляется в соответствии с культурно обусловленными паттернами, и невыносимым, если поведение власти не отвечает ожиданиям управляемых.

В этом смысле концепция М. Вебера относится к «секционным концепциям власти», представленным также такими авторами, как Х. Лассуэлл, Э. Кэплэн, Р. Даль, Д. Картрайт, С. Льюкс, Э. Гидденс и др. В них власть рассматривается как асимметричное отношение, как власть «над кем-то», как отношение с нулевой суммой, в котором рост власти одних индивидов и групп означает уменьшение власти других индивидов и групп.

В современной отечественной литературе при рассмотрении взаимоотношения общества и власти также, как правило, имеют в виду их противостояние. В данной работе развивается точка зрения, присущая «несекционной концепции власти», допускающей, что власть может осуществляться к общей пользе. Власть рассматривается здесь как коллективный ресурс, способность реализации общего интереса. Современными представителями этого подхода являются такие авторы, как Т. Парсонс, Х. Арендт и некоторые другие.

В монографии обосновывается концепция, согласно которой ситуация, о которой можно говорить как о противостоянии власти и общества, исторически конкретна. По нашему мнению, множество общественных систем организованы таким образом, что отношения власти у них являются функцией общественной пирамиды, неотделимы от общества, и, как следствие, говорить относительно них о противостоянии общества и власти невозможно. Таковы были отношения власти на родоплеменной стадии общественного развития. Ровно так же невозможно в терминах противостояния власти и общества рассматривать полисный мир классической античности и феодальное общество.

Общество может находиться в определенных отношениях с властью только при условии автономности власти от общества, чего не могло быть в эпоху классической античности и феодальную эпоху. Политическая власть в древнегреческом полисе осуществлялась гражданами по выбору или по жребию. Выполнение обязанностей по осуществлению власти было не только правом, но и обязанностью всех граждан полиса. Поэтому власть не была автономной, не имела собственного, не совпадающего с общественным интереса.

Подобным образом власть не имела автономии в феодальные времена. Функции власти осуществляли феодалы в соответствии со своим местом в иерархии сеньориально-вассальных отношений согласно размерам земельных владений. Экономическая, социальная и властная структуры существовали неразрывно, обуславливая друг друга. Общество было гомогенно, и говорить об автономии власти не приходится. Конечно, нельзя отрицать социальной конфликтности и в полисном мире, и при феодализме, однако эти конфликты были в полной мере именно классовыми и не могли выражать конфликта власти и общества.

В Европе автономная власть появилась в Новое время с распадом феодального общества и рождением бюрократии. Впрочем, автономная от общества власть существовала и раньше, в иные исторические эпохи. Начиная с восточных деспотий, китайских императорских учреждений, поздней римской империи, были организованы бюрократии, профессиональное чиновничество, занятое управлением. Однако эта бюрократия до поры находилась в подчиненном положении, встраивалась в традиционную гомогенную структуру общественной пирамиды. С развитием буржуазной парламентской демократии в Европе появилась особая категория профессиональных политиков, которая, интегрировавшись с бюрократией, определила высокий уровень автономии власти. Именно в такой ситуации можно говорить о взаимоотношениях власти и общества.

Автономия власти заключается в том, что иерархия власти, бюрократическая и политическая вертикаль сегодня существуют отдельно от общественной иерархии и не совпадают с нею. Профессиональные политики и чиновники оформились в достаточно автономную социальную группу, с собственными внутренними отношениями, иерархией, интересами и целями, далеко не всегда совпадающими с интересами и целями общества. Как следствие стал возможен конфликт власти и общества, который нельзя рассматривать как, например, классовый (хотя обычно классовая составляющая в нем присутствует).

Нужно заметить, что в Новое время в связи с ростом социального веса буржуазии появляется и «общество» в узком, специфическом смысле, как некая общественность, осознающая свои, отличные от властных интересы и цели. Проблемой гомогенного феодального общества было то, что оно отторгало и игнорировало элементы социальной структуры, не входящие в классическую иерархическую триаду «крестьянин, рыцарь и священник». Как следствие, в условиях отсутствия автономной власти городская буржуазия, чей реальный вес в общественной иерархии существенно вырос, была полностью отстранена от системы политической власти и не имела легальных путей на нее воздействовать. Она и образовала то самое «общество», которое в осознании своих особых интересов выступило против политической власти феодального общества. Это «общество» и стало прологом современному обществу, осознающему свою автономность от современной политической власти.

В этой ситуации возникла проблема управляемости обществом, в частности его периферией, от чего во многом зависит социальный порядок в обществе. В данном контексте управляемость – это «качественная характеристика социальной среды, позволяющая социализированным субъектам устанавливать и достигать определенные цели во взаимодействии друг с другом. Управляемость создается и обеспечивается субъектами управления. Однако субъекты распространяют управляемость в обществе не непосредственно, а с помощью создания институтов управления, транслирующих управляемость» [205, с. 12]. Соответственно, можно определить периферическое управление как систему управленческих отношений, отношений власти и подчинения, организующих сферу гражданских взаимоотношений, самоорганизации и самоуправления, независимых от системы центрального, государственного управления, в целях поддержания и совершенствования социального порядка в обществе.

Большинство социальных институтов влияют на управляемость обществом, однако существуют такие, которые прямо поддерживают и воспроизводят определенную форму властного управления. В первую очередь это политические институты и институты, воспроизводящие бюрократическую организацию власти. Эти институты организуют определенную область человеческой деятельности, а именно государственное управление.

Как показано выше, именно автономизация государственной власти, появление автономной иерархии профессиональных политиков и бюрократов поставили перед обществом проблему управляемости. Она заключалась в том, что для управления всем обществом, вплоть до мельчайших проявлений его стихийной самодеятельности, требовался управленческий аппарат, равновеликий самому обществу. Понятно, что подобный Левиафан общество попросту не в состоянии содержать. Проблема была разрешена посредством разграничения сфер центрального и периферийного управления. Если центральным управлением занимались профессиональные политики и бюрократы (властная вертикаль) и оно входило в сферу государственного управления, то периферийное управление осуществлялось иным способом, а именно с помощью гражданского общества на Западе и института гражданственности в рамках восточнославянской цивилизации. Гражданское общество и гражданственность выступили в качестве социальных ресурсов управляемости обществом на периферическом уровне. Социальные ресурсы в данном контексте – это латентные социальные практики, ролевые модели и нормы, хранимые культурой, которые в процессе их освоения через социальные взаимодей-

ствия (индивида, общества, власти) могут способствовать укреплению, совершенствованию и развитию социальной организации, качеству управляемости обществом.

Нужно отметить, что термин «управляемость» был введен в научный оборот кибернетикой, где управляемость тесно связана с подконтрольностью; в кибернетике управляемость означает способность системы достигнуть контролируемых параметров. В подобном контексте понятие управляемости появилось и в социальных науках, тут же получив негативный оттенок. Об «управляемом обществе» и «управляемой демократии» как кризисном состоянии общества говорили Г. Маркузе и Э. Фромм. Постепенный пересмотр понятия управляемости начал происходить в рамках синергетики, где речь пошла о «точечной управляемости», где управляемость нужна, чтобы задать направление саморазвитию. Управляемость в синергетике стала пониматься как качественная характеристика управления, а в социологии – как характеристика всей социальной среды [205].

Исходя из современной социологической теории, можно выделить две основные точки зрения в понимании феномена управляемости. Это субстанциональный подход, где акцент ставится на исследование субъектов, производящих и воспроизводящих управляемость, формирующих специфические институты управления. Такому подходу адекватны взгляды Т. Парсонса, П. Бергера и Т. Лукмана. Другая точка зрения, которую представляют П. Бурдьё, Н. Луман и Э. Гидденс, ставит акцент не на субъектах и институтах, а на связях между ними, которые и формируют, по мнению исследователей, субъекты и институты.

Как наследство негативных подходов к понятию управляемости и сегодня зачатую противопоставляют управляемость и самоорганизацию. Самоорганизация и управляемость (особенно в синергетике) рассматривается в контексте дихотомии хаоса и порядка, однако современная социологическая теория видит в управляемости как раз предпосылку самоорганизации. Любое совместное действие в рамках самоорганизации предполагает наличие управляющего субъекта и управляемого объекта, пускай речь идет всего лишь об уборке двора жильцами дома, и в данном случае не важно, что роли могут легко меняться. Поскольку мы говорим о самоорганизации, очевидно, что возможности субъекта управления управлять никак не подкреплены силой и авторитетом, которыми обладают формальные институты государственного управления. Условием добровольного установления отношений управления как со стороны управляющего субъекта, так и со стороны управляемых являются наличие институтов (норм, ролей), в рамках которых происходит действие, и степень интериоризации субъектами социальных норм и ролей, сформированных в рамках этих институтов.

На Западе области центрального и периферического управления встречаются на уровне местного самоуправления, которое, по мнению некоторых авторов (О. Оффердал [183]), можно рассматривать и как низовой уровень государственного управления, и как важнейший элемент организации гражданского общества. В связи с этим западная политическая доктрина признает за местным самоуправлением крайне важную роль. Гражданственность в отечественной традиции в меньшей степени замкнута на местное самоуправление и выступает инструментом в коммуникации с государственной властью на любом уровне властной иерархии, зачастую отдавая предпочтение высшим.

Нужно сказать, что в поисках адекватной стратегии модернизации постсоветского общества российские, белорусские и ученые других стран бывшего Советского Союза осознали необходимость достоверного знания, осмысления процессов взаимоотношений общества и власти в своем отечестве. В социологической, философской и политико-правовой литературе появилось большое количество научных публикаций, в той или иной степени освещающих проблемы взаимоотношения общества и власти. Это, в частности, работы белорусских ученых: Е. М. Бабосова, Ю. М. Бубнова, А. Н. Данилова, И. В. Котлярова, А. С. Майхровича, В. А. Мельника, С. В. Решетникова, С. А. Шавеля, а также российских обществоведов: К. С. Гаджиева, А. А. Галкина, З. Т. Голенковой, Б. Я. Замбровского, И. И. Кравченко, Ю. А. Красина,

В. П. Макаренко, В. В. Петухова, Ю. М. Резника, В. Г. Федотовой и др., содержащие попытку осмысления мирового опыта в решении проблем управляемости обществом на всех уровнях и сферы гражданской самоорганизации в частности, а также соотнесения их с постсоветской действительностью. При этом почти все обществоведы, изучающие проблемы гражданского общества, считают, что механическое перенесение на постсоветскую действительность различных институтов гражданского общества, существующих в странах Запада, не приносит ожидаемых результатов.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. В качестве методологических оснований исследования гражданского общества и гражданственности наиболее оптимальным является мультипарадигмальный подход, включающий структурно функциональный анализ, интерпретативную социологию и социально-исторический детерминизм.

Во взаимоотношениях общества и власти с точки зрения социального порядка и управляемости обществом существуют две сферы социальной деятельности, которые регулируются разными социальными институтами. Сфера центрального управления – институтами политической власти и бюрократической организации, и сфера периферического управления – институтами гражданского общества на Западе и гражданственности в восточнославянской цивилизации.

Нам бы не хотелось, чтобы у читателя сложилось впечатление, что управляемость и порядок в обществе – прерогатива власти и управляющих органов. В любом обществе управляемость выступает не как однонаправленный процесс воздействия субъекта управления на объект (управляемых), а как явный или латентный диалог, взаимовоздействие, в ходе которого инициатором выступает либо власть (центральное управление), либо общество (периферическое управление). Сфера гражданской самоорганизации, или, с точки зрения социологии управления, сфера периферического управления, является важнейшей системой управленческих отношений, отношений власти и подчинения, организующих сферу гражданских взаимоотношений, самоорганизации и самоуправления, независимых от системы центрального, государственного управления, в целях поддержания и совершенствования социального порядка в обществе. Она же является и способом реализации субъектности общества.

Соответственно, управляемость в обществе обеспечивается таким субъектом управления, как центральная власть, а также самим обществом благодаря тем формам социальной самоорганизации, которые и являются способами реализации его субъектности.

1.2. Социальная самоорганизация как способ реализации субъектности общества

В начале XXI в. вопрос о субъекте истории, казалось бы, уже закрытый в рамках марксизма и ряда других доктрин, приобрел необыкновенную актуальность, чему поспособствовала новейшая история, где простой человек слишком часто выглядит не более чем объектом манипуляции элит. Это нашло отражение в философских, социологических и политологических теориях. Однако рост популярности национализма возвращает нас в круг идей классической (но не современной) либеральной мысли, где вопрос о субъекте истории решался вполне определенным способом, и этот способ стал важнейшим элементом не теоретической рефлексии, а идеологической программы националистических движений.

Историософия либерализма, национализма и ряда других буржуазных доктрин Нового времени исходит из того, что народ стал субъектом истории только в эпоху модерна с утверждением демократии и гражданского общества как поля самоорганизующихся общин. Только в этот период, согласно данной точке зрения, народ образует нацию, через нее и посредством нее народные массы могут выступать в истории как субъекты. До становления модерна народные массы были лишь объектом исторического действия внешних сил, ибо организованные не более чем в рамках «локальных идентичностей» они не имели ни возможностей (физических, ментальных), ни социальных навыков к какому-либо историческому действию [134].

Такое положение, согласно данному подходу, привело к полной политической десубъективизации низовых, локальных общин, поскольку в рамках «демократических» и родственных националистических теорий историческая субъектность, как правило, сводится к субъектности политической. Реальным же субъектом истории в домодерновую эпоху считались лишь элиты, «дворянские династические корпорации» по мнению некоторых исследователей [135], что свидетельствует о живучести убеждения, что историю всегда творят исключительно элиты, герои. Во всяком случае, это представление не угасло со времен Геродота и Фукидида. Т. Карлейль говорил об истории как биографиях великих личностей, а Ницше рассуждал о сверхчеловеках и массах как глине в их руках. Сюда же можно отнести элитарные теории В. Парето, Дж. Мозеса, современных американских исследователей Х. Циглера и Т. Дая и др. Общество в таких теориях делится на массы и элиты, причем массы – «ситуативно возникающие (существующие) социальные общности, вероятностные по своей природе, гетерогенные по составу и статистические по формам выражения» [77, с. 234–235], в этом качестве просто не в состоянии проявлять реальную субъектность.

Альтернативный взгляд был предложен в марксизме. Историческая субъектность была признана им за всеми людьми, всем человечеством. В работе «Святое семейство» Маркс и Энгельс писали: «... а именно человек, действительный, живой человек – вот кто делает все это, всем обладает и за все борется. «История» не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения своих целей. История не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» [157, с. 102]. Человек признается субъектом истории в первую очередь как производительная сила общества, как субъект общественного производства. В процессе труда человек воспроизводит себя, а через распределение овеществленного в продуктах социального бытия общественного труда воспроизводит других людей и в целом общество. К сожалению, нужно признать, что сегодня именно в постсоветских странах с их когда-то мощнейшей школой изучения и развития марксизма сам марксизм основательно забыт (и забыт агрессивно), в то время как в западном мире наследие Маркса активно изучается и развивается.

Но вернемся к классическим либеральным и националистическим теориям. Как правило, на отечественной почве они являются результатом заимствования как процесса, сопут-

ствующего вестернизации, на которую, к добру или нет, сориентировался в высокой степени постсоветский мир. Однако факт заимствования не отменяет проблемы генезиса названных представлений. Основой для подобных теоретических построений, на наш взгляд, послужили абсолютизация и гиперболизация специфических черт западноевропейского исторического развития. Затем делу поспособствовала нужда захватившей власть буржуазии в легитимации своей новоприобретенной власти и защите своих групповых интересов, выдаваемых за национальные интересы. Впрочем, нужно заметить, что та эпоха осталась в прошлом, и уже совсем другие теории придают легитимность современным западным элитам, а классический национализм, как и классический либерализм, отправились на экспорт, в том числе и на постсоветское пространство, поскольку вестернизация, по образному выражению, вскармливается продуктами второй свежести [245, с. 107].

Однако, как и вещи с чужого плеча, заимствованные социальные теории с трудом укладываются в ложе отечественного социального и исторического бытия. Вот с этими накладками мы и попытаемся разобраться, а начнем с того, что рассмотрим европейский исторический контекст, в котором сложились эти теории, а затем обратим внимание на отечественную историю, чтобы увидеть их подобию и отличия.

Дело в том, что после империи Карла Великого Европа, несмотря на формальный раздел, оставалась единым целым. Государственные границы были проведены сравнительно случайно и отражали перипетии феодальной борьбы и феодального родства, а не расселения народов и племен. Например, гасконцы как бы жили под скипетром французского короля, однако под рукой герцога аквитанского, по совместительству короля Англии, а другая их часть под именем «баски» и вовсе проживали на территории других королевств. Бургундцы (вполне отдельная народность, имевшая долгое время собственную государственность – королевство Бургундия – и сложившаяся на основе смешения галлоримлян и бургундов) жили и в графстве Бургундия, которое приносило оммаж императору Священной римской империи германцев, и в герцогстве Бургундском, вассальном французскому королю. В общем, о каком-то адекватном национально-территориальном делении говорить было сложно. Более того, все эти вассалитеты и подданства вовсе не были устойчивой структурой, и периодически благодаря династическим бракам и разводам, сменам династий и войнам элементы этих сложноподчиненных вассалитетов и подданств меняли свое положение.

В результате простой народ закономерно перестал интересоваться чем-то за пределами своего герцогства и графства и не ощущал какой-то особой близости с зачастую иноплеменными подданными своего короля, живущими бог знает где. Как следствие такого положения вещей появилась возможность сказать, что «история Европы определялась дворянскими династическими корпорациями». Под историей тут, очевидно, имеется в виду последовательность конфликтов, войн, территориальных переделов и т. п. Вот это и есть корни демократическо-националистической теории, гласящей, что народ до наступления модерна собственной исторической субъектности не имел, хотя нужно отметить, что у народов и племен Европы все же было специфическое осознание своей общности, но оно касалось общеевропейской идентичности, имперского осознания себя как «христианского мира».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.